

Отзыв официального оппонента Миллера Алексея Ильича
на диссертацию Болтуновой Екатерины Михайловны «Царство Польское в составе
Российской империи (1815–1831 гг.): стратегии управления и практики признания
субъектности», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по научной специальности 5.6.1. Отечественная история

Тема диссертации Екатерины Михайловны Болтуновой весьма актуальна. История Российской империи вообще и особенно история ее национальной политики на западных окраинах, которые, собственно, и были первой лабораторией взаимодействия империи и национализма, стала предметом интенсивного изучения в первые десятилетия нашего века. К сожалению, в последние годы она еще стала и предметом безудержной политизации.

Политика империи в польском вопросе – центральный элемент национальной политики империи вообще. Однако первым трем десятилетиям XIX в., выбранным Е.М.Болтуновой для анализа, посвящено меньше внимания, чем более поздним периодам. А коронация Николая I в Варшаве, стоящая в фокусе исследования Болтуновой, вообще не была предметом целостного анализа.

В российской и советской традициях описания истории русско-польских отношений можно найти, с одной стороны, темы коварства, гонора, неблагодарности и русофобии поляков (прежде всего эти темы были характерны для дореволюционных авторов), а с другой – мотив общей борьбы с самодержавием «за нашу и вашу свободу». Последний доминировал после Второй мировой войны, когда Польская народная республика превратилась в члена «дружной семьи народных демократий». В Польше долгое время сохранялась романтическая память о героических восстаниях, только в 1870-х гг. ее доминирующему положению бросили вызов с позиций критического патриотизма варшавские позитивисты и краковские консерваторы. В межвоенный период в фокусе политики памяти оказалось «чудо над Вислой» – отражение наступления Красной армии в 1920 г. Все следы русского присутствия в Варшаве систематически уничтожались. Созданный Мицкевичем образ Польши как «Христа народов», противостоящего русскому и советскому империализму, возродился в идеологии партии «Право и справедливость», уже долгое время оказывающей значительное влияние на политику страны. В последние годы любая сложность и неоднозначность истории русско-польских отношений XIX–XX вв. вытеснена исключительными по агрессивности лозунгами борьбы с «империей зла». В России тоже есть желающие вернуться в русло «боевого историописания».

Рассматриваемая диссертация не следует ни одной из этих традиций. Она предлагает спокойный, взвешенный тон дискуссии. Остаётся только пожелать, чтобы дискуссия в русле спокойного анализа сложной темы продолжилась как в кругу российской историографии, так и на международном уровне, воздерживаясь от конфронтационной примитивизации, хотя условия для этого, прямо скажем, неблагоприятные. Что тем более делает ценной работу Е.М. Болтуновой.

Актуальность работы Болтуновой определяется и ее методологическими основаниями. Автор строит свой анализ на сочетании подходов, характерных для изучения символической политики, истории эмоций и политики памяти. Само органическое сочетание этих подходов в работе Болтуновой следует оценить как успех. Но особо нужно отметить, что выбор варшавской коронации позволил диссертанту восполнить лауну в

книге «Сценарии власти» Р. Уортмана¹, которая, конечно, послужила для автора важной опорой. В первом томе своего классического труда американский историк охватил период от Петра I до Николая I, рассмотрев церемонии XVIII и начала XIX вв. именно как «театр одного актёра», «послания» монарха подданным. Попытку реконструировать процесс выработки «сценария» церемоний и восприятие их за пределами узкого круга придворных он предпринял только в отношении более позднего времени. Варшавскую коронацию Николая Р. Уортман не рассматривал.

Между тем коронация 1829 г. оказалась беспрецедентной: император всероссийский впервые короновался как польский король. Торжество следовало спланировать от начала до конца, как следствие, оно готовилось в интенсивном диалоге Петербурга и Варшавы, Николая I и его брата Константина, выявив важные противоречия между ними. Константин к тому моменту более десяти лет жил в Польше, был женат на польке и стремился завоевать лояльность местного общества. Николай же симпатий к полякам никогда не питал, а коронацию рассматривал как демонстрацию дисциплины и верности обязательствам, которых ожидал и от своих польских подданных.

Польское общество воспринимало эту церемонию как символический акт заметно острее, нежели русское. Послания монарха польскому и русскому обществам также существенно различались. Всё это даёт редкую для рассматриваемого периода возможность проанализировать коронацию с точки зрения процесса формирования символической политики власти. Болтунова вполне эту возможность использует, т. е. не просто дополняя Уортмана, но и меняя сам подход к материалу данного периода. Поэтому вполне логично, что анализ символической политики автор дополняет подходом, который сфокусирован на истории эмоций, другом активно развивающемся направлении исследований этого периода. Наконец, важная составная часть символической политики – это политика памяти, и автор уделяет этому аспекту темы много внимания, в том числе отдельную главу 6.

Архитектура диссертации вполне логична. Первые две главы посвящены анализу политики Александра I в польском вопросе. Третья глава вводит нас в проблематику подхода Николая к политике в отношении поляков. 4 и 5 главы, которые являются, на мой взгляд, ядром диссертации, предлагают подробнейший анализ подготовки и проведения коронации Николая I польской короной в Варшаве в 1829 г. 6 глава, как уже отмечено, посвящена политике памяти (и забвения) в отношении различных конфликтных периодов русско-польских отношений. 7 глава рассказывает о непосредственном эффекте, произведенном коронацией, а 8 глава представляет восстание 1830–1831 гг., которое отчасти было, по мнению автора, непредвиденным последствием культивирования политической субъектности поляков под властью Российской империи.

Вынесенные на защиту положения представляются вполне обоснованными. Вместо с тем, по крайней мере одно из них нуждаются, на мой взгляд, в дополнении. Автор пишет, что «такая установка открыла возможность для создания и поддержания разных, зачастую противоположных по своей сути нарративов в Российской империи и в Царстве Польском. В Царстве существовали самостоятельные (по отношению к вариантам, распространенным в России) версии памяти о прежних столкновениях. При этом российские власти отказались от распространения или промоутации в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории империи». Этот тезис следовало бы

---

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

дополнить констатацией того факта, что в условиях укорененности польских версий памяти и отсутствия у властей действенных инструментов продвижения иных версий в польской среде, описанная выше политика была не следствием свободного выбора, но, скорее, трезвым признанием невозможности в тот период проактивной политики в этой сфере. Стремление сохранить возможность проводить политику непрямого правления и опираться на лояльные польские элиты в управлении в Царством Польским и, отчасти, Северо-Западным краем было, в реальности, единственно разумной политикой в первой трети XIX в. Переход в режим конфронтации с многочисленной шляхтой в результате восстания 1830–1831 гг. превратил западные окраины империи в источник непрерывной и регулярно обостряющейся угрозы, катализатор националистических настроений в империи в целом.

Другой важный тезис, требующий, на мой взгляд, уточнения, мы находим на стр. 574: «С вхождением Царства Польского в состав империи упоминания о военных столкновениях между Россией и Польшей властью не поощрялись, в то время как отсылки к концепции единства славянских народов, напротив, стали основанием для новой политической стратегии». В обращении к теме единства славянских народов неизменно присутствовало, хотя только после восстания 1830–1831 гг. стало открыто акцентироваться, осознание борьбы с поляками за роль объединителя славян. Мы видим это в описании Пушкиным сути борьбы с восстанием – «славянские ручьи сольются ль в русском море, оно ль иссякнет, вот вопрос», и во всех последующих исторических концепциях, начиная от Н.Г. Устрялова, которые описывали исторические основания проекта большой русской нации, объединяющей всех восточных славян.

Представляется, что для понимания сути политики Александра I и Николая I в «польском вопросе», а также причин и механизмов восстания следует больше внимания уделить структурным факторам. К 1815 г. империя радикально преобразилась. Земли, занятые в результате разделов Речи Посполитой, присоединения Финляндии и Бессарабии, а затем и Царства Польского, резко изменили конфигурацию этого гигантского образования: географическую, этноконфессиональную, сословную. Теперь великороссы составляли лишь примерно половину подданных царя, а польская шляхта равнялась по численности всему остальному дворянству империи.

Напомню, что восстание 1830–1831 гг. началось в варшавской школе подхорунжих. Её выпускники, проходя службу в мирное время, имели шанс дослужиться хотя бы до майорского чина лишь через несколько десятков лет. Весьма вероятно, что это обстоятельство повлияло на поведение молодых кадетов. Польская армия была сравнительно невелика – всего 30 тыс., а её офицерский корпус – молод. Николай и Константин отлично разбирались во всём, что касалось продвижения по военной службе. Поэтому спор, возникший между ними по вопросу об участии польской армии в войне с Османской империей, касался не только того, кто из них принимает решения, и не только надежд царя на воспитание в польских военных «братства по оружию» с русскими (о чём справедливо пишет Е.М. Болтунова). Со стороны Николая это была ещё и попытка подступиться к решению вопроса о продвижении их по службе, что, в свою очередь, выводило на намного более масштабную проблему места польской аристократии в строе империи.

До восстания ставка делалась на классическую модель непрямого правления, когда элита окраины лояльна центру, сотрудничает с ним, получает от этого выгоды и пользуется определённой автономией. Так строились отношения Петербурга со всеми западными окраинами. В идеале такая элита (точнее, её часть) постепенно вливалась в имперскую, т.е.

начинала служить и за пределами «родной» провинции. Подобную инкорпорацию удалось осуществить в отношении остзейцев, казачьей старшины, даже шведского дворянства Финляндии, имевшего рядом «своё» Шведское королевство. До наполеоновских войн данная политика отчасти работала и в отношении поляков. Например, А. Чарторыйский и С. Потоцкий стали в 1803 г. попечителями двух из четырёх созданных в России учебных округов, причём последний возглавил Харьковский округ, на территории которого со времён Б. Хмельницкого польской шляхты не осталось.

Однако проблема оказалась намного сложнее. Главное, доля шляхты в населении польских земель оказалась намного больше, чем у российского, остзейского или шведского дворянства. На некоторых территориях она достигала 10 и даже более процентов, тогда как прочие группы на своих не превышали 2%. Империя просто не могла предложить всем представителям шляхты сколько-нибудь удовлетворительные карьерные возможности.

И Александр I, и его младшие братья понимали всю степень сложности проблемы. Удобным вариантом её решения виделось создание Царства Польского с особой короной, тарифами, валютой и армией, т. е. привязка его к России лишь династической унией. Поэтому, хотя в первые дни восстание можно было подавить силами русских частей, расположенных рядом с польской столицей, Константин и Николай на это не пошли. Их поведение следует понимать не как нерешительность, а как отчаянную надежду на то, что поляки «сами разберутся», благодаря чему сохранится возможность выстраивания отношений с ними как с лояльной элитой, достойной доверия и автономии. Низложение Николая польским Сеймом сделало военное столкновение и разгром восстания неизбежными, а ликвидация Царства Польского стала признанием невозможности возврата к непрямому правлению. Но показательно, что через 30 лет, в начале царствования Александра II, власти империи предприняли попытку реанимировать сотрудничество и частично восстановить автономию. Однако она быстро привела к новому взрыву и очередному повороту в имперской политике.

Описываемый процесс совпал по времени с утверждением в среде восточно-европейского дворянства, будь то русское или польское, романтического национализма. Оба проекта национального строительства претендовали на одни и те же земли, из-за чего их конфликт оказался таким непримиримым.

В качестве одного из факторов, повлиявших на решение Николая провести коронацию в Варшаве, Болтунова справедливо указывает на длительную конкуренцию и взаимовлияние политики трёх империй-участниц разделов в «польском вопросе». Пониманию специфики отношений Романовых с их польскими подданными весьма поспособствовал бы анализ отношений Габсбургов со структурно схожим с польской шляхтой венгерским дворянством. Эти отношения тоже развивались как на качелях. В них есть и периоды холодного отчуждения, и ожесточённое восстание 1848–1849 гг., не менее жестоко подавленное. Есть и цитадель, построенная после подавления восстания, с пушками, направленными на Буду и Пешт. Есть и коронация Франца-Иосифа венгерской короной в Будапеште в 1867 г., которая оформила деление империи на австрийскую Цислейтанию и венгерскую Транслейтанию. Таким образом, в подходах обнаруживается много схожего, а сравнение «венгерского» и «польского вопросов» высвечивает роль национализма, как силы, налагавшей всё большие ограничения на свободу манёвра монархов. Для первой половины и середины XIX в. особенно значимым для империй на востоке Европы был национализм наций с многочисленным дворянским сословием. Важно

отметить и тот факт, что в данном случае Габсбурги заимствовали элементы политики Романовых.

В первых главах, когда речь идет о полонофилии Александра I, можно заметить некоторый «перегиб» в толковании источников, в частности цитат из писем Александра Адаму Чарторыйскому. Эпистолярный жанр и давние приятельские отношения предполагали некоторую «преувеличенность» в описании тех ожиданий, которые царь связывал с визитом в родовом имении Чарторыхских. Вряд ли стоит такие письма рассматривать как свидетельство полонофильских настроений Александра, что, конечно, само наличие таких настроений не отрицает.

Высказанные соображения не затрагивают общую высокую оценку диссертации.

Говоря о работе в целом, следует отметить, помимо оригинальности методологического подхода, взвешенности оценок и нарратива, рассмотрения сюжетов, прежде не получавших подробного анализа в историографии, и весьма богатую источниковую базу, с большим числом использованных российских и зарубежных архивов. По теме диссертации опубликована серия статей и монография, получившая исключительно высокую как в России, так и за ее пределами.

Диссертация Болтуновой Екатерины Михайловны соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история, отвечает требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

Официальный оппонент:

Профессор Факультета истории Автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», доктор исторических наук Миллер Алексей Ильич

10.03.2026

Почтовый адрес: Санкт-Петербург, 191187, Гагаринская ул. Д.6/1, А
тел. +7-903-1265027, e-mail: amiller@eu.spb.ru

*Подпись Миллера А.И. заверено.
Оппонент отменяется А/РМ*

